

М. Кузминъ

О прекрасной ясности

"Аполлонъ", No 4, 1909

OCR Бычков М. Н.

ЗАМѢТКИ О ПРОЗѢ

Когда твердые элементы соединились въ сушу, а влага опоясала землю морями, растеклась по ней рѣками и озерами, тогда міръ впервые вышелъ изъ состоянія хаоса, надъ которымъ вѣялъ раздѣляющій Духъ Божій. И дальше -- посредствомъ разграничиванія, ясныхъ бороздъ -- получился тотъ сложный и прекрасный міръ, который, принимая или не принимая, стремятся узнать, по своему увидѣть и запечатлѣть художники. Въ жизни cadaго человѣка наступаютъ минуты, когда, будучи ребенкомъ, онъ вдругъ скажетъ: "я -- и стулъ", "я -- и кошка", "я -- и мячъ", потомъ, будучи взрослымъ: "я -- и міръ". Независимо отъ будущихъ отношеній его къ міру, этотъ раздѣлительный моментъ -- всегда глубокой поворотный пунктъ.

Похожіе отчасти этапы проходитъ искусство, періодически -- то размѣряются, распредѣляются и формируются дальше его клады, то ломаются доведенныя до совершенства формы новымъ началомъ хаотическихъ силъ, новымъ нашествіемъ варваровъ.

Но оглядываясь, мы Видимъ, что періоды творчества, стремящагося къ ясности, неколебимо стоятъ, словно маяки, ведущіе къ одной цѣли, и напоръ разрушительнаго прибоа придаетъ только новую глянцеитость вѣчнымъ камнямъ и приносить новыя драгоцѣнности въ сокровищницу, которую самъ пытался низвергнуть.

Есть художники, несущіе людямъ хаосъ, недоумѣвающій ужасъ и расщепленность своего духа, и есть другіе -- дающіе міру свою стройность. Нѣтъ особенной надобности говорить, насколько вторые, при равенствѣ таланта, выше и цѣлительнѣе первыхъ, и не трудно угадать, почему въ смутное время авторы, обнажающіе свои язвы, сильнѣе бьютъ по нервамъ, если не "жгутъ сердца", мазохическихъ слушателей. Не входя въ разсмотрѣніе того, что эстетическій, нравственный и религіозный долгъ обязываетъ человѣка (и особенно художника) искать и найти въ себѣ миръ съ собою и съ міромъ, мы считаемъ непреложнымъ, что творенія хотя бы сааго непримиреннаго, неяснаго и безформеннаго писателя подчинены законамъ ясной гармоніи и архитектоники. Наиболе причудливые, смутные и мрачные вымыслы Эдг. По, необузданныя фантазіи Гофманна намъ особенно дороги именно потому, что они облечены въ кристалльную форму. Что же сказать про бытовую московскую исторію, которая была бы одѣта въ столь непонятный, темный космическій уборъ, что рѣдкія вразумительныя строчки намъ казались бы лучшими друзьями послѣ разлуки? Не сказалъ ли бы подозрительный человѣкъ, что авторъ пускаетъ туманъ, чтобы заставить не понять того, въ чемъ и понимать-то нечего? Это несоотвѣтствие формы съ содержаніемъ, отсутствіе контуровъ, ненужный туманъ и акробатскій синтаксисъ могутъ быть названы не очень красивымъ именемъ... Мы скромно назовемъ это -- безвкусіемъ.

Пусть ваша душа будетъ цѣльна или расколота, пусть міропостиженіе будетъ мистическимъ, реалистическимъ, скептическимъ, или даже идеалистическимъ (если вы до того несчастны), пусть приемы творчества будутъ импрессионистическими, реалистическими, натуралистическими, содержаніе -- лирическимъ или фабулистическимъ, пусть будетъ настроеніе, впечатлѣніе -- что хотите, но, умоляю, будьте логичны -- да простится мнѣ этотъ крикъ сердца! -- логичны въ замыслѣ, въ постройкѣ произведенія, въ синтаксисѣ...

Пренебреженіе къ логикѣ (неумышленное) такъ чуждо человѣческой природѣ, что, если васъ заставятъ быстро назвать десять предметовъ, не имѣющихъ между собою связи, вы едва-ли сможете это сдѣлать. Интересный выводъ могъ бы получиться при выписываніи однихъ существительныхъ изъ стихотворенія: намъ, несомнѣнно, казалось бы, что причиной отдаленности одного слова отъ другого по значенію является только длинный путь мысли и, слѣдовательно, сжатость стиха, но отнюдь не отсутствіе логической зависимости. Еще менѣе терпимо подобное отсутствіе логичности въ формѣ, особенно прозаической, и менѣе всего именно въ деталяхъ, въ постройкѣ періодовъ и фразъ. Хотѣлось